

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К 60

КОЛЕСОВА Наталья Валенидовна

Гимназистка : рассказ / Наталья Колесова ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2016. – 20 с. : ил.

Наталья КОЛЕСОВА

Гимназистка

Рассказ

Новокузнецк
2016

© Наталья Колесова

КОЛЕСОВА Наталья Валенидовна родилась в Новокузнецке. Закончила филологический факультет Кемеровского университета. В КЛФ «Контакт» пришла в 1991 г. Активный участник ролевого движения. Первая публикация – повесть «Голубая пантера» – в газете «Новокузнецк без политики» в июле-сентябре 1996 г. Пишет и нефантастическую прозу.

В конце 2007 года в московском издательстве АСТ вышел роман Натальи Колесовой «Карты судьбы». В 2009 году вышел роман «Прогулки по крышам», в 2011 – роман «На хвосте удачи», в 2013 (уже в издательстве «Эксмо») – роман «Грани Обсидиана». В 2014 году вышел в свет роман «Сказки Волчьего полуострова. Король на площади», в 2015 году – «Призрачный роман».

Где начало того конца, которым кончается всякое начало?

Где её конца начало?

Не в тот же миг, когда сказали ей:

– Знакомьтесь, барышня, вот Костя Одессит!

Гимназистка от окна нехотя лицо своё бледное повернула, взглянула прозрачными далёкими глазами на хохотавшего с Додиком черноволосого широкоплечего парня – куртка на спине лопнет вот-вот. Губы, чуть кармином тронутые, с усилием разжала.

– Этот?

– Он.

И поплыло всё. Красавец. Брови длинные в разлёт, на щеках румянец солнечный, зубы ровные, белые, глаза синие, яркие. Аристократа руки. А у Гимназистки сердце тоской серой обволокло.

Вот и расплата.

Ждала – пришла. Страх нет. Но тоска, тоска...

Гимназистка к окну отвернулась – нет, тянет смотреть, омутом засасывает. Прошла шагом тихим, присела за стол, скатертью белую застеленной, подбородок острый рукой нежной подпёрла и неотрывно в лицо Одесситу уставилась. Вот и смерть её... и Александра.

Ах, Саша, Сашенька, Александр. Брат мой, муж мой, горько любимый мой... За что судьбу такую нам Бог послал? Горе первое – что родились мы от матери одной. Второе – полюбили друг друга. А горе третье всех горше – что встретиться довелось после расставанья. Светла судьба – посмеяться. И смеялась. Надо всей семьёй смеялась славно, щедро по всей России семя Куржаковых рассеяв. Сам Михаил под Ростовом лёг, напололам очередь пулемета поделённый. Жена его, тишайшая Наталья, в три дня сгасла – и слова напоследок от неё никто не услышал. Старший их сын, Иван, землю по-прежнему пашет – только уже коммуны. Павел на последнем эсминце за границу подался – ждать у моря погоды. Александр, сын средний, любимейший, ЧК одесской взят и жив ли... Митька шашками порублен в

восемнадцатом – отцом да братьями родными. Петька, его близняк, в Петроградском Совете заправляет. Алексей, боголюб да блаженный сын Михайлов последний, пулю в лоб свой ясный пустил в банке отцовской. А Оленька, Ольга Михайловна, за стройность да детский облик свой Гимназисткой прозванная – у Додика Ласточки в банде его лихой.

Круговерть... Как подумаешь – и плакать и смеяться хочется.

А только не смеётся, не плачется. Смотри Гимназистка на Одессита глазами прозрачными, задумчивыми – уже и Додик косо заглядывал.

Ласточке лет под пятьдесят – а бережётся. Полный да крепкий, манишка белая, крахмаленная туго, руки холёные перстнями унизаны. Голос нежный, певучий, словечки ласковые – Ласточкой и прозвали. Хоть, по слухам, Москвы уроженец, косит под одессита славно.

Так заглядывал Додик на Гимназистку, да и сронил:

– А это Оленька наша. Поручика кровная сестрица.

Костя глазами ясными Гимназистку обвёл, кивнул ей ласково:

– Слышал, замели Поручика?

– Словили сокола, словили ясного, – сказал Ласточка приветливо, манишку свою оглаживая. – Хлопочут Оленька, чтобы братца ихнего освободить.

– Так ведь... – сказал было Костя, да увидел, как кадык на белой шее Додика дёрнулся, – ...трудновато это будет, барышня.

– А мы ни за чем не постоим, – выдохнул Додик воздух, что у него в глотке застрял, – мы же свои долги знаем да помним!

И показалось Одесситу зоркому, что не для него это молвилось – для девочки этой беленькой, глазки в стол опустившей.

А для неё и говорилось. Помнилось, ох, как помнилось Ласточке – пришла она с двумя мальчиками Поручика, пистолетик дамский на стол положила, руками тонкими оперлась и негромко да чётко вымолвила, в лицо ему глядячи глазами своими змеиными: «Долг помните ли?»

Как не помнить? Ночами ворочался. Решил было – и славно решил, да девку окаянную не подрассчитал. А теперь нет-нет, да и подкатывает к горлу: а ну как?.. ведь кровь-то у них с Поручиком одна-единая...

Но лицо Додик хранит и гостя своего между прочим расспрашивает:

– А что ж вас так давно видно не было, Костенька?

А тот зубы кажет да глазами играет.

– У Одессита-Кости, Додик, судьба – что птица-чайка, летит, куда желает, а куда летит – про то никто не знает-не ведаёт. Да и вам, Додик, не советует. А всё ж гастроль моя дальняя была, всего навидался по свету.

Говорит Константин совсем чисто, а всё же словечки, да нотки в голосе Одессу-маму выдают.

Склонил голову, Гимназистку смеющимся взглядом задел:

– Как знал я, Додик, что барышня у вас имеется. Подарком подгадал.

И из кармана пальто своего чёрного коробочку бархатную вынул, на длинной ладони Гимназистке протянул. Та пальцами тонкими приняла. Открыла крышечку – ай! – и высверком кровавым рубины на браслете змейкой полыхнули. А у Гимназистки в глазах скучно да пусто. Прикрыла, на стол перед Костей осторожно поставила.

– Не беру, – тихое.

У Одессита прищур – и не понятно, что за ресницами чёрными спрятано. Ни слова не молвив, обратно коробочку в карман засунул. Блеснул зубами влажными.

– Ну, время позднее, куда спать меня уложите, хозяева?

– Хозяюшка у нас она, – перстом белым на Гимназистку указав, поднялся Додик. – И мне пора.

– На ночь-то глядя? – изумился Одессит. – А не опасаетесь ли, Додик, за свою жизнь драгоценную?

– Так ведь я, – отозвался тот, пальто застёгивая, – с собой колечки-браслетки не ношу, как вы, Костенька. Да и негде мне такие вещицы-то взять.

Улыбнулся Одессит. Но Ласточка, улыбки его тонкой не приметив, распрощался сердечно и Гимназистку за собой поманил.

– Вы уж приглядитесь к нему, Ольга Михайловна, – попросил униженно.

Той вроде зябко стало. Шаль запахнула, спросила, в мрак глазами задумчивыми вглядываясь:

– Или не верите ему?

– Уж больно долго мальчик на гастроли был. Приглядитесь-приглядитесь. У вас глазок зоркий, женский...

А Костя Одессит на рояли играет. Головой красивой сам себе дирижирует, лицо печальное, глаза закрыты; ноздри чувственные, с кокаином знакомые, подрагивают.

Склонила Гимназистка над клавишами, в лицо отрешённое вглядываясь, и сказала – не то заботливо, не то с усмешечкой ядовитой:

– Хорошо играете, Одессит. Красиво. Только смотрите, не заиграйтесь!

Всю ночь пролежала, глаза сухие в незрячую тьму оставив.

Когда ночью спать перестала? Не в тот ли миг, когда впервые волчьё лицо брата своего любимейшего Александра увидела?

...Сапогами громыхая, не глядя ни на кого, прошёл по дому отец, двери за собой с треском затворяя. Александр у окна встал – ноздри тонкие распялены, лицо бело-красными пятнами. Стоит, на носках качается. Молчит. К Алексею блаженному с расспросами кинулась. У того лицо трясется, глаза – в слезе мутной.

– Ми-итька-аа!.. – и рыдания взхлеб.

Она всё не отступала, за плечи тряпошные тормошила, трясла яростно. Выплеснул, наконец:

– Батя его... не хотел, уговаривали... а он говорит – мол, буржуи вы и сволочи-и... и всяко такое... а-а-а... батя его шашкой... и Саня-я...

– З-заткнись, мокрица! – брат рывкнул, разворачиваясь.

Очнулась на кровати. Тряпка мокрая на лбу. Мать на коленях перед образом. Шепчет. Молится. Просит.

Просит...

По кровати пальцами заскребла, простыни сминая. Крикнуть: «Чрево свое прокляни! За то, что Куржаковых рожало!»

Дверь распахнулась – Александр. И душа словно занемела – другое всё. Глаза другие. Лицо другое. Губы дёргаются твёрдые; вот когда эта дрожь появилась. Стояли на пороге горницы, смотрел. Долго. Ушёл.

А назавтра – банька. Алеша.

– Пошла! – сказали ей. – Уходи! Не смотри!

Левая сторона чистая, светлая. Ангельская. Губы крупные, чувственные – отца. И Александра. Чуть гримасой тронутые.

Что-то сказала ей лицо это, что-то совсем другое сказала, чем отцу, Александру, беспрерывно сиплым шепотом повторявшему: «С-с-слонтяй...»

Сказало что-то. А что – потом поняла. Когда уже поздно стало. Глаза эти, неплотно сомкнутые, да слеза смертная в уголке глаза, да губы, гримасой тронутые, говорили будто: «Остановитесь! Что делаете, люди, что?! Остановитесь!»

Не услышали.

Не остановились.

– Ох, поздненько вы возвращаетесь, Ольга Михайловна!

Вздвогнув, назад отпрянула. Да узнала улыбку, в тусклом свете фонаря блеснувшую лезвием.

– Уж не меня ли вышли встречать, Одессит?

– Кого ж, как не вас, Ольга Михайловна! Темно да беспокойно на улицах, а вы такая молодая, красивая да одинокая. Что ж вас так Ласточка не ценит, охрану к вам не приставляет?

– Его охрана мне докука. Да и не боюсь я ничего, Одессит.

– Отчаянная вы, как смотрю. Слышал я о вас многое, Ольга Михайловна...

Она голову откинула – шея тонкая, нежная в вороте пальто блеснула. Спросила со смешком лёгким:

– И много ли среди тех слухов хорошего?

– Это как посмотреть, Ольга Михайловна, – был ответ уклончивый. – Уж очень-то слухи иногда фантастические. Но вот поглядел я на вас и поверил, почти до самого окончательного конца поверил, в них, в дивных. Шибко вы Ласточку скрутили – ужом вертится! Ежели не секрет, чем, а, Ольга Михайловна?

Та глаза веками тяжёлыми, высокомерными прикрыла. Лицо строгое, отчуждённое.

– Не секрет, – произнесла медленно. – Поручика именем.

– Так ведь он, слышно, заперт и заперт весьма надёжно, Ольга Михайловна! Или всё-таки выручить надеетесь?

– Тем и живу, – отрезала.

Ах, сказать бы, объяснить бы – то последняя моя за жизнь зацепка, долг мой неизбежный, горше полынной горечи... А весть о смерти его – мне б в освобождение. Легла бы и в одночасье сгасла. Но нет, но нет мне покоя...

– Стоп, барышня и гражданин товарищ наш! Сумочку в пользу голодающих да нуждающихся сдать не желаете?

Трое на пути стеной стоят. Гимназистка в этот раз даже назад не шатнулась, твёрдой рукой перчатку начала расстегивать. Одессит сжал её запястье легонько – ей показалось, клещами стиснул.

– Ай-ай, – вздохнул умиротворяюще. – Так тут шутить научились! И что ж это за шуточки, мальчишки?

– Заткнись, – сказал один из «мальчиков», – ты ...

– Фи! – сказал Костя. – Как вы невежливы!

И рукой движение сделал.

«Мальчика» подхватили.

Тот из троих, что постарше, в шарф закутанный, носом шмыгнул. Спросил грустно:

– Костя, вы?

– Здравствуйте, Сеня! – отозвался Костя сердечно. – И давно вы на гоп-стопе?

– Подстрелила жизнь мои высокие крылья, Костя, и потерял я своё человеческое и профессиональное достоинство. Видите, с людьми какими работать приходится?

– Вижу, Сеня, и искренне вам сочувствую!

– А не подорвали ли своё драгоценное здоровье в застенках ненавистного царского режима, Костя?

– Ни здоровья, ни крыльев не растерял я, Сеня. Загляните к нам, улучите минутку между работой, будем рады вас видеть с Ольгой Михайловной. Творческих вам успехов!

– До скорой встречи, Костя!

И разошлись, шляпы приподнимая.

– Без малого четыре года отсутствовал, Ольга Михайловна, подзабыть успели. А я помню всё. Был у меня друг один, самый душевный. Мальчик чистый, добрый, светлый. С идеалами жгучими и наивными...

– Революционер?

– Он, – нехотя Одессит отвечивал. – Я-то от дел... революционных далековат, так он меня перевоспитывать пытался. А потом пришли ко мне и сказали: мол, приятель ваш, Костя, расстрелян за подстрекательство к бунту и свержению всего... чего только можно свергнуть. Ох, и огорчился я, Ольга Михайловна! С огорчения и разыскал тех, кто стрелял в него, да

и разобрался. А потом со мной... разобрались. И загремел я под тот случай под политического... А зачем вы сумочку расстёгивали, Ольга Михайловна? Уж не за пистолетиком ли? Ой, не годится, не годится так вам горячиться! Из-за горячности такой и с братом можете не встретиться!

А мнится – что и не встретимся. Три встречи нам судьба подарила. Три встречи – как прощания. И четвёртой не будет.

Первая – как окончив губернскую гимназию, домой вернулась.

Увидел её Сашка – стоит среди двора в ботиночках высоконьких, на грязь привычную домашнюю с брезгливым недоумением глазами до ужаса огромными поглядывает – и замер. Мать на шее висла, отец крякал да по узкой спине ладонью мужицкой хлопал, братья в объятьях тискали, а он всё с места не двигался. А потом словно тишина на него снизошла, пошёл, всех раздвигая – а она уже смотрит, и ресницы, будто бабочки, трепещут.

– Ну, здравствуй... сестрица, – и губами твёрдыми к её распахнутому, нежному, приложился. И словно ударило обоих. Отвернулись друг от друга разом, больше ни слова не промолвив.

А ночью, простыню зубами зажав, плакала. Всё поняв, но глубину горя ещё не измерив.

Не сказала в нём стать Куржаковская, мужицкая. Хоть в плечах широк, да гибок и строен, и руки белы – как и не пахал никогда землю с батраками наравне. Одно Куржаковское – норов. Да глаза – и бешеные и тоскливые...

Ох, скрутило его! Не вздохнуть, не распрямиться, ни соседке-солдатке подмигнуть... Только душа тихнет, как рядом она – Оля, Оленька. Как мышка-полевка дикая, руки – тонкие, робкие, и глаза – ждущие, испуганные...

К осени призвал Михаил сына непутевого, за плечо налитое схватил.

– Ты что ж, Санька-стервец? Куда смотришь? Сдурел? Баб тебе мало?

А Санька-стервец дерзко ему в лицо бородатое глядит глазами наглыми, твёрдыми, стальными.

– Баб-то пруд пруди, да только кроме неё ни одна мне не нужна!

Засопел Михаил, но стерпел, сронил тяжело:

– Сестра ведь твоя. Аль забыл?

– Не тебе говорить, батя, – глазом не моргнув, выложил сынок любимейший, – не тебе! Кто у нас первый снохач на селе?

Размахнулся отец – да уж больно страшен стал Санька, зубы оскалил – загрызет вот-вот.

Поостерёлся.

– Ну-ну, гляди... – только и молвил.

А наутро самолично возок запряг, и дочь сам на станцию отвёз – в губернский город отправил, к брату своему родному – от греха подальше.

Вернувшийся с ночного Санька метнулся зверем – туда-сюда – сел на крыльцо, руками лицо зажал и завыл – на ноте одной ровно и жутко. Волком.

В тот же день сел сын любимейший да беспутный на коня, пыль дома родного с сапог отряхнул, и ни слова, покуржаковски, не сронив, умчался.

Только его и видели.

Ах, хитёр Одессит! Лестью тонкой окружил, не то, что Ласточке – другим её природа гнилая незаметна. А всё же когда до сути добрался, насторожился Додик.

– Так делами такими уж и не занимаюсь я, Костенька! Постарел, ослабел...

– Ой ли? – глаза у Одессита смеются.

– Да-да, – кивнул головой благородною Ласточка. – Перед властью любимой советской я чист. А что Ольге Михайловне помогаю... то долг старый.

Раздвинул губы в смехе не опечаленном Костя Одессит.

– Огорчили вы меня, Додик! А я с делом пришёл к вам чистеньким. Ну что же, требовать не люблю, а просить не умею.

Ушёл Ласточка. Откланялся.

Гимназистка на Одессита глядела, ждала просьбы, не боясь ошибиться.

И не ошиблась.

Пощурился Костя на свет лампы тусклой, да и спросил:

– Не могли бы вы, Ольга Михайловна, Одесситу услугу оказать? Вечер не с кем скоротать, компанию не составите?

Глаза блестят, сам – франтом.

– Только я вам кое-какую одежду привёз, в «Орхидее» запросто так не появишься, в платьице, извините, вашем... Согласны?

– Так – нет.

– За что ж мне немилость такая?

– Не Додик я. Со мной – начистоту.

У Одессита лицо переменчивое – от смеха до серьёзности миг один.

– Могу и начистоту... Пришел я к Ласточке с предложением заманчивым – да не понял он. А гордый Костя. Всего раз просит. Одного компаньона не нашёл – другого подхватит. А вы бы мне, Ольга Михайловна, в этом деле поспособствовали. Да и плюнули бы на Додика, право! Слышно было, раньше с контрразведкой он сотрудничал тесно...

От «контрразведки» дёрнуло Гимназистку. Уж рот было раскрыла, да скрепилась, сдержала слова злорадные.

– Ну что же, поглядим, Одессит, кто ваш компаньон будет. Давайте одежду.

Белье шелковое, кружевное; платье скользит лаской по телу, в плечах чуть большеватое – худые. Даже серьги и ожерелье нашлись у Одессита предусмотрительного.

Тело-то побрякушками украсишь, а душу что осветит?

Вышла – Константин глаза вскинул – синие, изумлённые – аж дыхание перехватило.

– И шо ж вы такая прекрасная, Ольга Михайловна! И шо ж вы красоту свою дивную хороните среди людей непонимающих!

А она и слов не слышала – только глаза эти – видела уже взгляд такой...

Так глядел Александр при встрече второй.

Воротился. Не один – с армией белой, костью светлой. Михаил встал-вскочил навстречу сыну любимому, молча приложился к щеке его пыльной, за стол на место красное усадил. Обвёл Александр родичей глазами сужеными – морщинки привычные на коже обветренной – и, не досчитавшись, спросил:

– А Митька, Петька – где?

Мать нос острый зажала рукой натруженной, затряслась без звука. Куржак из-под бровей зыркнул:

– Не сыновья мне боле! Поганцы... к большевикам метнулись.

А Александру уже не до братьев стало – слышав голос незнакомый, вышла сестрица его родная. Оленька. Встал поручик, желваки на лице худом поигрывают. Всю разом взглядом охватил: от ноги точёной до светлого лба. Талия узкая, грудь высокая и глаза помертвелые. Под взглядом отцовским голову опустила, поздоровалась еле слышно. У Александра слова на язык не идут. Ужин мрачный дожевали, Куржак бровями двинул – жена и снохи с внуками торопливо заподымались. А Ольга сидит, на красивую руку брата неотрывно смотрит – как нервно вздрагивают, барабанят пальцы по столу дощатому. Отец покосился хмуро, но смолчал.

Говорили долго, горячо, да тяжело. Не слушала Ольга слов тех – только голос его, низкий, мужской – холодная дрожь по спине...

Что было бы – кто знает. Только через месяц в красной разведке Митьку словили, Алеша пулю в себя пустил, да мать скончалась.

И ушла Оля из дома родного.

Ноздрями расширенными воздух втягивала, глазами блестящими обводила «Орхидею». Зеркала целые, лица сытые, свет яркий и музыка знакомая... Забылась на мгновение, с дрожью на столик в углу взглянула: вот подошла она и глаза увидела, страшные глаза оглянувшегося поручика.

– Ну вот и здравствуй, – сказал, – здравствуй, сестрёночка...

А Костя Одессит и здесь как рыба в воде. Щелчок небрежный – официант в поклоне почтительном. Развалясь на стуле, Одессит указания даёт, губы в улыбке раздвинуты, подмигивает кому-то, глаза сверкают... Что же ему от неё надо?

А Костя всё улыбается.

– Да просто прошу представить меня. Мог бы и сам, да так-то знакомство больше доверяя внушает...

А у самого плечи подобрались как для прыжка за добычей. Гимназистка взгляд его перехватила. Сеня. Кивком дальше взгляд перебросил. Ах, вот вы какую дичь скрадываете, Одессит!

Капитан Сабеев.

«Милый мой, – сказал ему тогда Поручик печально, – милый вы мой, это просто смешно! Вы играетесь в игрушки детские. А я из возраста детского уже вышел и понял – кончено. Всё кончено, понимаете, всё. Я-то хоть крови напоследок напьюсь, а вы... с вашей заграницей, саботажем и прочим в том же роде, пардон – дерьмо! Мы – пыль на обочине, а они идут и идут... И пыль их не остановит – разве что глаза засорит».

У Сабеева лоб высокий, с залысинами, глаза крупные, выпуклые. Сел, взгляд отсутствующий.

– Это и есть ваш компаньон? – тихо Гимназистка спросила.

– Он, – охотно ответил, глаза примеривающиеся. – Будет.

Посидели, помолчали.

– Или не знаете его, Ольга Михайловна?

– Впервые вижу.

– Ну, дело ваше... – приподнялся Костя со стула, да и обратно сел.

Кожанки.

– Граждане-товарищи! Оцепили мы бордель вашу, на выход с документами извольте!

– Ах, – шепнул Одессит расстроено, – а я свой портмоне как раз дома оставил! Что делать-то будем, Ольга Михайловна?

Потянулся, ругаясь и стихая, народ ресторанный. А Гимназистку смех неожиданный разобрал от расстроенного лица Одессита – как у ребёнка обиженного.

– Ах, некстати, как некстати! – обронил с досадой.

На Сабеева поглядел – тот сидел неподвижно, руки под стол опустив, к кожанкам не торопился. Одессит глазами острыми по зале провел. Сеню зацепил. За окно стемневшее глянул и улыбнулся вдруг солнечно.

Медленно очередь выходящих движется. Одессит теперь снова на Сабеева смотрит, словно ждёт чего от него.

Рука смуглая по столу поползла, тронула пальцы Гимназистки.

– Готовы будьте, Ольга Михайловна.

К чему, спросить хотела. Не успела. Выстрелил Сабеев. Зубы белые оскалив, стул из-под себя выдернув, швырнул Одессит в окно – брызги посыпались. И погас свет.

– Сюда! – зычно Одессит крикнул. – Сабеев, сюда!

И Гимназистку дёрнул за собою в темнеющий раскол стекла.

– ...Ну вот и здравствуй, – сказал Александр, – здравствуй, сестрёночка.

Руками твёрдыми на виду всего ресторана притянул, губами жадными губы нашарил. Ни нежности. Ни ласки – одна тоскливая жажда.

Всю России, от моря до моря, прошла, чтобы снова встретиться... От судьбы не уйдёшь – нет больше силы.

– Простите, господин поручик, срочно! С Петрограда прислали сюда ихнего эмиссара, вот его изображение.

Нагнулся Александр над столом, прищурился, вглядываясь. И она без интереса взглянула. Улыбка – солнцем, увидишь, не забудешь.

– Что тебе до него, Саша?

Усмехнулся нехорошо.

– Я теперь, милая моя, в контрразведке...

Холодом обдало. Да в тот вечер, покорную, руки его согрели, губы.

– Саша, – утром спросила, простынь грязную к груди прижимая, – а ребёночек если?

Тот рот дёрнувшийся стаканом поймал.

– Какой... ребёночек, – сронил тяжело, – какой?... Мёртвое мы семя. Что живого родить можем?

Морщится Одессит, руки Гимназистки от ноги своей волосатой отталкивает:

– Да сам я, Ольга Михайловна! Угломонитесь!

Зацепило его-таки, как подворотнями от площади уходили. Зато Сабеев – вот он, голубчик, сидит, смотрит, как Одессит ногу раненную умело заматывает.

– Лихо вы!

– Так и вы не промах, Алексей Кириллович!

– Откуда же вы меня знаете? Или встречались раньше, да я запомнил?

– Ни боже мой, не грешите на память свою! – смеётся Одессит. – Вот Ольга Михайловна посоветовала обратиться. Человек, говорит, надёжный да решительный... Правда, Ольга Михайловна?

Та ни да ни нет не отвечает. Смотрит в глаза Одессита, от напряжения посветлевшие, и слова про себя вспоминает, давние слова Поручика: «А не брезгуйте мной, капитан Сабеев, не брезгуйте! Я ведь крови не больше вашего проливаю. Только вы с целями благородными, а я без оных, но суть-то наша одна-единая...»

А суть одна.

– Да, – сказала и голову гордо понесла к своей спальне – будто подарок кому.

...Венчается раб божий Александр с рабою божией Ольгой... свеча горит ровно, ярко. Не дрогнет, не колыхнётся. И рука Поручика, поддерживающая её под локоть, не дрожит. Прямо в лицо попу смотрит, губы кривятся в усмешечке. С сестрою брат венчается... забаву ту сам придумал. В церкви – венчание. А в порту – бегство. Друг друга давят, не зная ещё, что бежать некуда – куда от себя убежишь. В толпе той – брат Павел.

Взгляд скосил – серый, недобрый – на бледный профиль жены своей. Думает, думает... Губы скорбные вздрагивают – как у Алёшки блаженного. Тот тоже думал... так вот... перед банькой отцовской. Но эта не уйдёт. Не от страха перед смертью. А потому, что виноватой себя считает. И ему, и всему миру должной себя считает. Тоже... блаженненькая. И он от себя её не отпустит. Не одному же ему оставаться? Не одному же...

И завертелась жизнь колесом-вывертом. Не мигая, смотрела она, не отворачиваясь смотрела, как вокруг неё крутится бурун всасывающей воронки. Ах, что в юности мечталось: муж любимый, детки, дом тёплый, спокойный, с радостями тихими! Отдавалась на волю бурного течения – вынесло к омуту бездонному. И тянет, и тянет чёрная вода...

А семя мёртвое всё же родило. Встала однажды с постели и покачнулась... поплыло в глазах и горячая волна – к сердцу. Руку на него положила, обо всём догадавшись. Долго сидела так с лицом помертвелым. Потом встала, не думая, веревку взяла – так ведь углядели, вытащили.

Вытравила. Неделю по комнате ползала. Ни слезинки. Ни стона. Поручик вернулся, на лицо её мёртвое взглянул и не спросил ничего. И потом не спросил – когда ночью впервые его к себе не пустила. Да и другие заботы нахлынули.

Ходил по следу эмиссар тот петроградский, что ускользнул от него в Одессе. Вцепился, как волкодав в ляжку. Поручик хитёр, а тот ещё хитрее. И обхитрил.

Налетели молчком со всех сторон, когда Доню с долгом – награбленным в контрразведке – в условленном месте ждал. Конец – Поручик понял. Послал своего золотого дончак – в струнку конь вытянулся, ног под собой не чувствует. Вырвался бы, да скосила верного друга пуля меткая. Бился дончак во взметнувшейся пыли, ногу своего всадника ломая. Поручик, в безмолвном крике рот ощерив, тянулся к уроненному револьверу, да рядом чекист очутился. И хрустнуло поручиково запястье под сапогом тяжёлым...

А Одессит шумен, весел, пьян. Улыбка – высверком. Шуточками бросается, смешочками – а ей мстится, что усталость, усталость да тревога в глазах ярких стелятся.

Приманку раскинул славную, самую надёжную. Золотую. Место, время, машину – знаю я. От вас, драгоценные мои, сила требуется – и тридцать процентов в карман Одессита, да и то от души Костиной щедрой. Что к коллегам не обратился? Да от времени неровного все связи потерял, да и с благородством коллег знаком премного. А вы люди военные, идейные, голубая кровь, не обманете парнишечку доверчивого...

И ведь полетели – мотыльками на огонь полетели, на золото кровавое. Ах, пыль, тлён, труха... Себя уже схоронили, а теперь сверху могилы своей ещё и камень тяжкий надвинули? И я вам в том помощница...

Время пришло – сказал Одессит:

– А не приходили бы вы, Ольга Михайловна, сегодня домой ночевать, право!

Взгляд на него вскинула. В небо уставился, где над морем серо-бурым светлая чайка летела. Лицо осунувшееся, а глаза попрежнему ясные, яркие. Продолжил неспешно:

– Побереглись бы немножко, а? Чего ж зазря себя губить?

– Зазря, думаете?

– А как же не зазря, – продолжая горизонты осматривать, обронил Одессит, – ведь Поручика в живых давно уж нету. Трибунал, знаете ли...

Гимназистка веки чугунные опустила. Пусто, тихо на душе – знала. Сказала, глаз не открывая:

– И то правда?

– Чистойшей, душа моя. А что Доня, стервец, вам стрекочет, так у него планы свои – боится, придётся долги отдавать. Много ведь в контрразведке хапнул. И капусты, и камешков...

Конец. А покоя нет – ноет сердце, словно живое.

– И трибуналом его...

– К стенке, Ольга Михайловна. Куда ж ещё?

– Куда ж ещё... Ах, Одессит, повезло вам, что встретиться не пришлось, когда он вас искал.

– Знаю – жаждал. Да я уклонялся. Послушайте, не ходите домой! Знаю – сами себе вы и суд, и трибунал, да ведь разные вы совсем... с ними.

Голову с трудом повернула. Губы с трудом разжала.

– Чем же? Разные?

У Одессита взгляд непривычный – без смешка, без наглости – ясный, за годы единственный человеческий взгляд.

– Человек вы, Оленька...

Планы, обсуждения, расстановки... Люди военные – точность во всём. Имена, адреса, место встречи, склады с оружием. Вся верхушка собралась.

Доня Ласточка, хвостом вильнув, возвратился – жаркое золото почувял. Сидит, дыхание затаив, убытки свои подсчитывает от отказа Одесситу.

А Костя Одессит глазами зоркими, безулыбчатыми глядит. Слушает.

Выждал. Встал. Рукой взмахнул и сказал чётко да зычно:

– Ша, господа-граждане, офицеры и честные коммерсанты! Оружие на стол!

И тишина пришла.

– Что за шутки у вас! – сморщился капитан Сабеев.

– Да уж какие шутки, – сказал Одессит приветливо, – кончилось шутовское время. За стенами сего дома ждут вас. Безоружными.

И волной злобу взметнуло, с ужасом и непониманием смешанную. Оглянувшись Гимназистка на Одессита – улыбается.

Только голову наклонил да рука в кармане. А обречённые дико на него смотрят, сползаются медленно.

– Эй, птицы-вороньё! – сказал Одессит с весельем жутким. – Пальбу что ли устроим – чаек пугать?

Гимназистка неспешно в угол отошла, на дело с любопытством поглядывает.

Ласточка лапки сложил у манишки беленькой. Чисто кот умильный.

– А жизнь нам, Костенька, или уж не знаю, как вас теперь звать-величать, сохранить обещаете?

– Тебе, что ли? – глаз от собрания благородного не отрывая, спросил Костя. – С тобой вот она, – кивком на Гимназистку указал, – разберётся.

Вечная улыбка с губ пухлых Дониных стерлась, а Одессит продолжил веско:

– Эх, Ольга Михайловна, Ольга Михайловна... ведь это он брата вашего к нам в руки передал. Лапками своими ласковыми. За должок-то, помните?

– Н-нет! – взвизгнул Ласточка, вальяжность свою разом теряя – ведь остался он будто один на один с девкой окаянной. Лицо-то у неё спокойное, а губы кривятся – знакомо, страшно. Братово.

– Ты, значит? – спросила вроде и без удивления вовсе.

И как в кошмаре давнем пистолетик дамский дёрнуло...

Обернулась – в красе своей, ой, недаром те слухи ходили! – глаза бешеные:

– Почин есть! Кто следующий? Может, вы, Сабеев? Мне в вас выстрелить или вам оружие передать? Стреляйте, не стесняйтесь! В меня, в Одессита, мишень крупная. Не промахнётесь! Давайте, господа, все, по моей команде! Сделайте из него сито! Что нам терять? Ну, пли! А ЧК потом из вас своё сито сотворит... Цельтесь точнее, уложите нас всех красной гроздьё – пыли меньше на земле будет...

И спиной к напряжённым лицам повернулась. Подошла к Одесситу, глянула – у того пот по лицу – молча под ноги ему пистолетик швырнула.

Пошли, потянулись следом...

Выстрел второй – Сабеев. Гимназистка, не вздрогнув, обернулась. Плечиками пожалала, увидев череп пробитый. Ах, пыль, тлён, труха... На себя только сил достало.

Переступили. Пошли.

Всё внутри занемело. Сердце – как вырезано. С серой скукой к окну отвернулась. Одессит кучу оружия носком ботинка щегольского тронул, вслушиваясь в звуки во дворе.

– Ну вот и всё, – сказал.

– Всё... – отозвалась эхом.

На дворе шумели, кликали:

– Костя! Одессит! Ты где есть живой, отзовись!

А он стоял, сторбившись, с места не трогаясь, и глядел и слушал, как руки белые в кровь о стену разбивая, кричит Гимназистка:

– Всё! – и снова: – Всё! Всё! Всё!

На первой странице обложки – рисунок «Рождение чёрной луны»
Веры Афанасьевой (г. Алчевск Луганской обл., Украина)

Тираж 50 экз.